

ПЕРЕПЛАВКА

АЛЕКСАНДР ЛОМОВ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александр Ломов

ПЕРЕПЛАВКА

«Автор»

2026

Ломов А.

ПЕРЕПЛАВКА / А. Ломов — «Автор», 2026

Смысл: Двойное дно. Переплавка сотен тонн металлолома, на котором поднялся герой, и безжалостная «переплавка» человеческого характера самой жизнью, системой и казенными стенами.

© Ломов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПЕРЕПЛАВКА	5
Том 1. От сызранского плацкарта до штурма СОБРа и исправительного центра	5
ПРОЛОГ. ЧЕЛОВЕК НА ИЗЛОМЕ: ДНО ПОДВАЛА	6
ГЛАВА 1. ПЛАЦКАРТ «СЫЗРАНЬ — КАЗАНСКИЙ»	8
ГЛАВА 2. БЕЛЫЙ ФАРТУК И КРИЗИС	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Александр Ломов

ПЕРЕПЛАВКА

ПЕРЕПЛАВКА

**Том 1. От сызранского плацкарта до
штурма СОБРа и исправительного центра**

Документально-художественный роман (2010 — 2024)

ПРОЛОГ. ЧЕЛОВЕК НА ИЗЛОМЕ: ДНО ПОДВАЛА

21 ноября 2022 года.

Новая Москва, деревня.

В металлургии есть закон: чтобы превратить ржавый, изувеченный лом в чистую броню, его нужно бросить в раскаленную печь при температуре в полторы тысячи градусов. Всё наносное, гнилое и слабое там выгорает дотла. Остается только чистый металл.

Моя жизнь была такой печью. И в тот ноябрьский день температура достигла предела.

Я лежал плашмя на ледяной сырой земле в самом темном углу подвала, зарывшись лицом в строительную пыль и затаив дыхание. Холод пробивал сквозь куртку до самых ребер, сердце колотилось в горле, как отбойный молоток, а прямо надо мной — буквально в сорока сантиметрах над головой — содрогался весь дом.

Тяжелые кованые берцы спецназа с хрустом вбивали дубовый ламинат, который я всего два года назад укладывал собственными руками. Сверху доносился треск вырываемых с корнем дверей шкафов, звон фамильного сервиза, мат оперативников и леденящие кровь крики моей жены Лены, пытавшейся заслонить собой детей.

Они искали меня.

Искали с автоматами, в бронежилетах и штурмовых касках, как будто в этой тихой подмосковной деревне укрылся главарь вооруженного картеля.

Шесть часов кряду мой дом находился в глухой блокаде. Силовики стояли за забором, не решаясь войти: по заснеженному двору свободно метался наш смоляно-черный кане-корсо Граф — свирепый пес, готовый рвать за семью любого. Моторы патрульных машин не глушили, рации шипели на морозном воздухе, а я успел соскользнуть в потайной люк котельной в первые же минуты, завалив его пустыми канистрами.

А затем в мегафон прозвучал ультиматум:

«Если собака не будет убрана — открываем огонь на поражение! Ликвидируем пса!».

Я не мог позволить им расстрелять Графа. Шепотом, едва приоткрыв крышку люка, я крикнул отчиму: «Батя, выходи! Привяжи пса под навесом, чтобы не убили!». Отчим вышел под прицелы. Ворота снесли. Штурмовая группа с тяжелым бронещитом ворвалась во двор — тот самый кадр оперативной съемки, где отчим держит рвущуюся восьмидесятикилограммовую тушу собаки возле заснеженной белой «четверки» с оренбургскими номерами, а опер целится и орет: «Это он? — Нет, отец его!».

Они перевернули дом, но лаз в полу не нашли.

И пока надо мной гремели эти сапоги, перед глазами пронеслась вся моя жизнь.

Все четырнадцать лет бешеной, жестокой гонки.

Я вспомнил холодный плацкарт «Сызрань — Москва» в далеком 2010 году. Пять тысяч рублей, зашитые матерью в карман ветровки. Запах хлорки и жареного лука в нелегальной общаге у МКАДа, где двенадцать человек спали вповалку на железных нарах, а по ночам тело пожирала клопы. Вспомнил сбитые в кровь ноги официанта, четырнадцать часов разноса подносов богатым господам в итальянском ресторане и первую любовь к Лене на черной служебной лестнице.

Вспомнил, как в кризис четырнадцатого года ресторан лопнул, и я остался на улице с беременной женой без копейки в кармане.

Чтобы сын не голодал, я пошел в ад: на пункт приема металлолома. В мороз минус тридцать ворочал шестикилограммовой кувалдой ледяные чугунные батареи, дышал мазутом, резал автогеном ржавые кузова, терпел унижения и предательство родни. А когда они вышвырнули меня на мороз — поднялся сам. Снял пятачок земли, поставил весы.

Это был дикий, первобытный капитализм. Миллионы наличными в спортивных сумках, тонны чермета, уходящие эшелонами на комбинаты. Покупка машин, участка, рождение дочки и стройка этого самого дома — кирпич за кирпичом, на свои кровные. И плата за этот взлет: бесконечные откаты гаишникам на трассах, визиты ОБЭПа, ночные звонки, угрозы, бессонница и литры виски, чтобы заглушить животный страх перед тюрьмой.

В 2020-м, когда жадный хозяин земли попытался отжать бизнес, я нашел в себе силы разрубить этот узел. Закрыв базу под ноль и ушел в цифру: веб-разработка, мобильные приложения, арбитраж трафика. Абсолютно чистый доход. Мне казалось, я вырвался. Я отмыл руки от ржавчины и мазута.

Но система не отпускает тех, кто поднялся сам.

Хватило одного ноябрьского утра на скользком перекрестке. Хватило двух обнаглевших гаишников, начавших крушить мою машину и бить в стекла, доведя моего семилетнего сына до истерического плача. Я просто хотел спасти перепуганного ребенка и нажал на газ. Инспектор сам прыгнул на дверь, прокатился и плюхнулся в снежную кашу. Смеющийся прохожий снял это на видео.

И закрутилось колесо: спецназ, осада, сюжет на федеральном канале про «опасного лихача и торговца из Даркнета», предательская ловушка в кабинете собственной безопасности, куда я сам приду через два дня, пытаюсь добиться правды, и наручники на допросе в Следственном комитете.

Они будут ломать меня часами, требуя признать вину и подписать особый порядок. Телевидение польет грязью мою семью. Суд запретит мне интернет и запрет в четырех стенах на полтора года. А я, сидя взаперти без электронного браслета, назло им создам подпольный англоязычный YouTube-канал на нейросетях с миллионами просмотров, пока в мае 2024 года не услышу приговор: два года исправительного центра.

Но всё это будет потом.

А сейчас я лежал в темноте подвала своего дома, чувствуя щекой сырую русскую землю, и слушал, как наверху матерятся уставшие штурмовики.

В этот момент я понял главное. Металл можно согнуть, распилить или сдать в утиль. Но если ты прошел настоящую переплавку — тебя уже невозможно сломать.

Я закрыл глаза и приготовился к войне.

ГЛАВА 1. ПЛАЦКАРТ «СЫЗРАНЬ — КАЗАНСКИЙ»

2010 год.

Если вы никогда не жили в Сызрани в конце нулевых, вам трудно объяснить, что такое абсолютная, беспросветная тишина провинциального тупика.

Это не та тишина, когда птички поют в березовой роще. Это тишина остановившихся цехов, ржавых заборов завода «Тяжмаш», разбитых дорог, по которым ползут убитые «девятки», и бесконечных панелек, в подъездах которых вечно пахнет кошками, сырым подвалом и дешевым пивом «Охота Крепкое». Все перспективы молодого парня там укладывались в три стандартных маршрута: спиться к двадцати пяти, сесть за глупую драку у ларька или устроиться охранником в супермаркет за двенадцать тысяч рублей в месяц и до пенсии считать копейки на пачку «Явы».

Мне было девятнадцать. Я смотрел на своих ровесников, которые по вечерам лузгали семки на лавочках у обшарпанных хрущевков, и физически ощущал, как время затягивает меня в это болото.

— В Москве люди живут, понимаешь? — говорил мне Андрюха, сосед по двору, вернувшийся со стройки в Подмоскovie в новеньких китайских кроссовках. — Там деньги под ногами валяются. Главное — не щелкать клювом.

Осенью 2010 года я собрал старую спортивную сумку с оторванной ручкой. Мать плакала на кухне, заворачивая мне в фольгу жареную курицу и вареные яйца, и сунула в руку свернутую вчетверо пятитысячную купюру — последние семейные похоронные заготовки.

— Леш, пропадешь ведь там. Город злой, обманут, обдерут до нитки...

— Не пропаду, мам. Здесь я точно сгнию. А там хоть шанс есть.

Поезд «Самара — Москва» скрипел на стыках рельсов почти двадцать часов. Плацкартный вагон жил своей привычной жизнью: храпели вахтовики, пили водку из пластиковых стаканчиков мужики в засаленных трико, в проходе пахло заварным «Роллтоном», мокрыми носками и вечной русской тоской. Я лежал на верхней боковой полке, упираясь пятками в проход, смотрел в темное окно, где мелькали редкие огни станций Мордовии и Рязанщины, и твердил про себя одну и ту же фразу: «Назад дороги нет. Только вперед. Чего бы это ни стоило».

Казанский вокзал встретил меня промозглым октябрьским ветром и оглушающим гулом многотысячной толпы.

После сонной Сызрани это было похоже на падение в жерло вулкана. Мимо неслись потоки людей в черных куртках с каменными, невидящими лицами. Из динамиков хрипели объявления о поездах на Ташкент и Бишкек, цыганки дергали за рукава, прокуренные менты в серых бушлатах придирчиво выдергивали из толпы приезжих с большими сумками.

Я крепче прижал сумку к боку и нырнул в метро. Спуск на эскалаторе «Комсомольской» показался мне спуском в преисподнюю: грохот составов, яркий свет, бешеный сквозняк. У меня кружилась голова.

Первое жилье мне подогнал через знакомых земляк. Это называлось гордым словом «общежитие коридорного типа», а по факту представляло собой полулегальный клоповник на промышленной окраине возле МКАДа. Бывшее административное здание какого-то автокомбината, перегороденное фанерными переборками.

Комната номер 14. Восемнадцать квадратных метров. Шесть двухъярусных железных кроватей, сваренных из водопроводных труб. Двенадцать мужиков: три узбека со стройки, два парня из Брянска, вахтовик-сварщик из Кирова и такие же, как я, зеленые пацаны из поволжских городков.

В комнате стоял тяжелый, невыветриваемый смрад мужского пота, дешевого табака и жареного лука. По стенам с ободранными обоями деловито ползали рыжие тараканы, а по ночам из-под плинтусов выползали клопы, после которых все тело чесалось и покрывалось зудящими красными волдырями.

— Деньги под матрас не клади, — сразу предупредил меня коренастый брянец Серега, помешивая кипятивником чай в литровой банке. — Документы носи в трусах. Уйдешь на смену — сумку закрывай на замок, но и это не спасет, если захотят вскрыть. Душ на первом этаже, горячая вода с семи до девяти вечера, кто не успел — моется ледяной. Оплата — четыре тысячи в месяц вперед.

После оплаты у меня осталась ровно тысяча рублей.

На эту тысячу нужно было прожить, найти работу и не сломаться. Первую неделю я питался батоном за двенадцать рублей и растворимым супом, запивая его водой из-под крана. Я ходил по Москве пешком, экономя жетоны на метро, пока на китайских кроссовках не треснула подошва. Я заходил во все подряд заведения — автомойки, склады, магазины, стройплощадки.

Везде требовались либо москвичи с пропиской, либо люди с опытом, либо бесправные бригады под процент прорабу.

Москва казалась огромным, равнодушным стеклянно-гранитным монолитом, которому было абсолютно плевать, сдохнет ли под забором девятнадцатилетний пацан из Сызрани или пойдет грабить прохожих в темном переулке.

Именно тогда, сидя на промозглой скамейке на ВДНХ с онемевшими от холода пальцами, я дал себе зарок: я заставлю этот город считаться со мной. Я не вернусь в Сызрань неудачником, на которого соседи будут показывать пальцем. Либо я поднимусь здесь, либо сгорю дотла.

ГЛАВА 2. БЕЛЫЙ ФАРТУК И КРИЗИС

2011 — 2014 годы.

Моим спасением стал общепит.

В ресторан меня взяли случайно. В сетевой пивной ресторанчик на Садовом кольце требовался помощник официанта — раннер. Работа для тех, у кого нет московской прописки, но есть две ноги и готовность бегать по четырнадцать часов подряд с тяжелыми подносами, уставленными пивными кружками и тарелками с горячими свиными рульками.

Смена начиналась в десять утра и заканчивалась глубоко за полночь, когда метро уже закрывалось. Ноги к концу смены превращались в сплошную ноющую гематому, поясница отваливалась, а ладони покрывались ожогами от кипящих сковородок. Зато кормили: служебное питание, пусть и из вчерашних остатков, казалось царским пиром после доширака в общаге.

Я быстро понял главное правило ресторанного зала: здесь ты — тень с белоснежной улыбкой. Клиент всегда прав, даже если это в стельку пьяный чиновник или наглая девица в соболях, которая швыряет тебе в лицо меню за то, что рукола оказалась «недостаточно хрустящей». Глотай обиду, улыбайся, говори: «Сию минуту исправим, приятного вечера».

Через год я уже свободно порхал между столами, выучил винную карту и перешел официантом в респектабельный итальянский ресторан в районе Тверской.

Там был совсем другой мир: белые скатерти, приглушенный джаз, паста с трюфелем за цену трехдневного бюджета Сызрани, дорогие костюмы, запах дорогого селективного парфюма. И чаевые. В хороший вечер пятницы в кармане фартука шелестело столько, сколько мой отец на заводе зарабатывал за две недели. Я съехал из проклятой общаги, снял скромную комнату в нормальной квартире и впервые почувствовал, что начинаю дышать.

А весной 2013 года в нашем зале появилась Лена.

Она пришла работать хостес — встречать гостей у входа, улыбаться и провожать к столикам. Светлые волосы, огромные серо-голубые глаза и удивительно спокойный, несуетливый взгляд среди всего этого московского ярмарочного безумия. Она была коренной девчонкой из Подмосковья, но в ней не было ни капли столичного снобизма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.